

Гавеля Екатерина Юрьевна

врач челюстно-лицевой хирург, хирург-стоматолог, научный сотрудник отдела детской стоматологии и челюстно-лицевой хирургии ФГБУ НМИЦ «ЦНИИСиЧЛХ» Минздрава России, кандидат медицинских наук, специалист по лазерной медицине

«Надо верить в себя и свой клинический опыт» – эту фразу Виталий Владиславович Рогинский повторял часто. Ничего, казалось бы, особенного, очевидность и аксиома. Но коллеги, ученики, сотрудники понимали: в ней особый, главный смысл; квинтэссенция жизни врача.

Когда я пытаюсь определить главную черту Учителя одним словом, то на ум приходят разные варианты: профессиональный, умный, строгий, эмпатичный, дисциплинированный, сильный, справедливый, мудрый… И все же главное сформулированное впечатление сложилось на операции, которую я наблюдала еще в статусе соискателя ученой степени кандидата медицинских наук – бесстрашный. Виталий Владиславович не знал, что такое растерянность и, тем более, паника. Точно зная все манипуляции он очень оперативно, уверенно и квалифицированно распределял задачи для всей команды и всегда побеждал обстоятельства. Его уверенность вдохновляла, а призыв: «Не нужно бояться!» всегда звучал убедительно.

Я не была аспирантом, поскольку сразу после окончания Самарского государственного медицинского университета пришла работать хирургом-стоматологом в Детское отделение врожденных патологий челюстно-лицевой хирургии под руководством Татьяны Михайловны Косыревой. Областная детская клиническая больница занималась как экстренной, так и плановой медициной; редкие патологии встречались часто. Мой руководитель, Татьяна Михайловна, активно занималась наукой и в 2005 году защитила кандидатскую диссертацию.

Возможно, это обстоятельство, а также мои выступления с докладами на студенческих конференциях и в целом деловая, творческая атмосфера в коллективе подвели и меня к выполнению исследования по лечению зубосодержащих кист челюстей у детей. Тема кандидатской диссертации была утверждена в Самаре. Там же был получен первый патент на способ лечения зубосодержащих кист челюстей у детей. Логично, что я параллельно с практической деятельностью стала принимать участие в конференциях вместе со своими научными руководителями – профессорами Ларисой Теодоровной Воловой и Дмитрием Александровичем Труниным. На одной из московских конференций я увидела выступление заслуженного деятеля науки Виталия Владиславовича Рогинского. Поразила мощная энергетика, удивительная способность встряхнуть зал, вовлечь всех и каждого в тему обсуждения. Я тогда и подумать не могла, что буду работать с этим человеком. Но сценарий судьбы уже сложился.

Очередные изменения правил работы в системе здравоохранения гласили о том, что практикующим детским врачам в области патологий головы и шеи нужно получать сертификат челюстно-лицевых хирургов. Руководство больницы предложило мне для прохождения ординатуры три города на выбор. Москвы среди них не было. И тут я вспомнила профессора В.В. Рогинского. Стала узнавать у знакомых и родственников, работающих в сфере медицины, как можно записаться к известному ученому на консультацию. В итоге встреча состоялась.

Я приехала к Виталию Владиславовичу в его консультативный день. Он как раз общался с пациентами и родителями уже за пределами отведенного времени. Разрешил присутствовать. Кто видел и слышал профессора на консультациях, знают: его умение общаться было особенным, нерегламентированным, строгим и участливым одновременно. А потом Виталий Владиславович задавал вопросы мне. Его искренность, обаяние, заинтересованность поднимали над обыденностью и уносили в мир, где царит любовь к медицине. После беседы профессор предложил мне выходить на работу… завтра и лично отвел меня в учебную часть. Конечно, были еще проблемы: меня не отпускали из родной больницы и долго не подписывали необходимые документы. Даже пришлось платить неустойку.

Случай или судьба, профессионализм или сила личности? Почему сложился такой научный тандем у меня именно с профессором В.В. Рогинским? Положа руку на сердце, я рассматривала и другие авторитетные имена в научном мире Москвы для прохождения ординатуры. Но эта первая встреча с Виталием Владиславовичем все решила. Дальше я не выбирала, не мониторила, не сравнивала. Безграничное доверие к ученому и великое обаяние человека. Это появилось с первой встречи. И это осталось навсегда.

С сентября 2009 года я начала обучение в ординатуре под руководством заведующего отделением больницы св. Владимира, доктора медицинских наук Дмитрия Юрьевича Комелягина. Как врачу с четырехлетним стажем работы, мне доверяли самостоятельные ночные дежурства. А уже 7 апреля 2010 года мы переехали в новый корпус Клиники детской челюстно-лицевой хирур-

В.В. Рогинский и Е.Ю. Гавеля после докладов на конференции в Светлогорске

гии и стоматологии ЦНИИСиЧЛХ. И уже в стенах института я защищала свою кандидатскую диссертацию. Умный и деликатный человек, Виталий Владиславович рекомендовал мне не менять научных руководителей, прочитал мою работу и аргументированно ее поддержал.

Сотрудничества с ученым и хирургом В.В. Рогинским было в моей профессиональной биографии много. Помню трудную операцию в ЦНИИСиЧЛХ, когда удаляли объемное образование на шее у мальчика одного года из Дагестана. Почувствовав напряжение команды при виде сосудистого пучка сложной конфигурации, Виталий Владиславович решил пошутить и попросил ножницы. Поняв, что ассистенты засомневались в необходимости выполнения команды, улыбнулся и сообщил, что сосуды останутся невредимы. Шутки не были обычной практикой в его работе. Но разрядить ситуацию при необходимости – важный психологический аспект командной работы, и наш Учитель им владел в совершенстве.

По моему ощущению и, думаю, многие со мной согласятся: практическая деятельность, наряду с научной, была для нас повседневной и при этом не была рутинной, поскольку сочетала в обязательном порядке обучение. Даже когда ученики проф. В.В. Рогинского сами стали профессионалами, они могли войти в кабинет Виталия Владиславовича с экстренным вопросом. Совещание, написание научных статей, подготовка к конференциям, все откладывалось, чтобы дать срочную консультацию по текущей операции или по определению спорного диагноза.

Большой ученый и руководитель, он мог приехать на операцию в свой выходной, если его коллеги нуждались в помощи. Так, во время моего дежурства в больнице Святого Владимира поступил пациент с травмой беговым коньком в области шеи, полученной во время тренировки. Реагировать на ситуацию нужно было быстро. Ход операции складывался удачно. Но в какой-то момент открылось кровотечение и никакие прописанные учебни-

В кабинете В.В. Рогинского

На операции: В.В. Рогинский, Э.А. Репина, Л.О. Кузменкова, Е.Ю. Гавеля и Р.В. Рыжов

ком и подсказанные опытом меры не приносили положительного результата. Виталий Владиславович приехал через 40 минут. Все это время мы по очереди зажимали пальцами кровоточащий сосуд. Закончилась история благополучно. А учитель не только помог, но и объяснил все возможные хирургические мероприятия при подобных травмах.

Его опыт помогал не только в конкретных ситуациях. Уроки, выводы, наставления и сейчас в памяти и практике его учеников. В один из недавних моих консультативных дней пришел на осмотр молодой человек с симметричным лицом, хорошей улыбкой, со своими зубами, без инвалидности…и уже без мамы. Михаил из Вологды впервые приехал в наш институт с мамой десять лет назад. У подростка было асимметричное лицо из-за патологических образований на верхней челюсти. Подробный анамнез и проведенные исследования позволяли поставить сразу два диагноза, конфликтующих по методологии лечения. Редкое юношеское заболевание херувизм или агрессивная доброкачественная опухоль. В определении точного диагноза решающую роль играет врач. В одном случае при оперативном вмешательстве сохраняются челюсти и зубы; второй может привести к инвалидизации пациента. Виталий Владиславович Рогинский принял живое участие в судьбе мальчика. А мне во время совместных консультаций объяснял, что даже при результатах биопсии, показывающей на опухоль, врач должен брать на себя ответственность и опираться на клинический опыт. Дважды я оперировала пациента в разные годы, и каждый раз по поводу херувизма. Что же касается развития возможной опухоли, Михаил и сейчас, в свои 24 года приезжает в столицу на консультации. Может, это и хлопотно. Но молодой мужчина живет без боли и без психологических проблем. Этот случай, да и другие совместные профессиональные решения показали мне в текущей ситуации и в перспективе, как важно развивать клиническое мышление. Профессор В.В. Рогинский не уставал повторять: «Набирайте клинический опыт! Мыслите широко!».

Обходы пациентов с доктором медицинских наук, профессором В.В. Рогинским – отдельный академический стандарт, школа профессионального роста. Всегда в халате, под которым виднелся модный галстук, всегда сосредоточенный и внимательный, Виталий Владиславович не пропускал ни одного пациента, ни одного снимка. К докладам по историям болезни готовились серьезно, говорили громко, аргументировано, чтобы понятно было и врачам, и родителям. Никогда Учитель не делал публичных замечаний. Но запоминал все промахи. Для «разбора полетов» была отведена учебная комната уже после обхода. И здесь нам, если плохо накануне подготовились, было неуютно.

Я всегда училась у Виталия Владиславовича общению с детьми и родителями. Это его особый талант. Мог мальчишке-подростку, не соглашающемуся на перевязки, сказать: «Тебя же с кривым носом девчонки любить не будут», и тут же рисовал радужные перспективы жизни при правильном поведении и сговорчивости. Малышей умело отвлекал от боли игрушками.

Очень трогательно то, что Учитель любил не только хорошее оружие, поскольку был заядлым и удачливым охотником. В его кабинете были фарфоровые статуэтки зверей. И, конечно, в хороших авторских куклах и игрушках профессор В.В. Рогинский определенно знал толк. У его учеников тоже появились свои коллекции игрушек. А кроме них – детские песни. Я, например, часто включаю на своем телефоне песенку Чунга-Чанга.

Виталий Владиславович любил делиться. Прежде всего знаниями и идеями. Делал это постоянно, великодушно и бескорыстно. Может, поэтому с особым уважением относился к своим выступлениям и докладам коллег на конференциях. Сидел чаще один, в середине зала; внимательно слушал, задавал вопросы и вступал в полемику. И когда сам выступал, то был убедительным, эмоциональным, увлеченным. Ему важен был отклик на тему доклада. Будучи опытным оратором, он, тем не менее, всегда спрашивал у своих учеников и молодых коллег: все ли было понятно, раскрыта ли мысль, было ли интересно.

Кстати, Виталий Владиславович, умел быть не категоричным: соглашался с возражениями коллег, ординаторов и аспирантов, мог признать спорность авторитетного мнения. Он поощрял своих учеников к участию в операциях с другими хирургами. Сам он, казалось, знал все о детской хирургии. И при этом ему не хотелось быть единственным носителем знаний и истиной в последней инстанции. Он мечтал о преданности учеников не ему, а профессии.

Мы, ординаторы, молодые и уже опытные хирурги, редко между собой называли профессора Рогинского по имени-отчеству. Шеф! Шеф сказал, Шеф вызвал, Шеф считает, Шеф рекомендует. В этом не было иронии. Скорее родственность и доверительность нашего общения. Одно из значений слова шеф – лицо, взявшее шефство. Виталий Владиславович Рогинский взял шефство над детской челюстно-лицевой хирургией, над единомышленниками и над нами, его учениками. И это шефство навсегда.